

Тевель В.Я.

ПОДВИГ ПАНФИЛОВЦЕВ: ПРАВДА И ВЫМЫСЕЛ

УО «Гродненский государственный медицинский университет»

Кафедра социально-гуманитарных наук

Научный руководитель – к.и.н., доцент,

заведующий кафедрой социально-гуманитарных наук Ситкевич С.А.

Великая битва под Москвой была отмечена многочисленными примерами самопожертвования, мужества и стойкости бойцов и командиров Красной Армии, партизан и подпольщиков, участников трудового фронта. Не будь этого, Москва вряд ли устояла бы перед мощным натиском превосходящих сил врага. Без массового героизма ее защитников не удалось бы одержать первую крупную победу над немецко-фашистскими захватчиками за весь предшествующий период Второй мировой войны. Среди ратных свершений воинов, защищавших столицу, особое место занимает подвиг 28 гвардейцев-панфиловцев. Он уникален по своей сути и выдающийся по своему значению. 16 ноября 1941 г. у железнодорожного разъезда Дубосеково в районе Волоколамского шоссе небольшая группа отважных советских воинов преградила путь более 50 вражеским танкам, рвавшимся к Москве. Реальных сил, способных остановить такую танковую армаду противника, в нашей столице тогда не было. Но мужественные защитники Родины и главного города страны не дрогнули и задержали вражеский прорыв на четыре с половиной часа, как раз до подхода наших резервных войск. Вскоре об этом беспримерном подвиге узнала вся страна, и 28 гвардейцев-панфиловцев заняли достойное место в истории Великой Отечественной войны.

В первых официальных сообщениях говорилось, что все 28 героев пали смертью храбрых. Однако шестеро воинов, раненые и контуженные – Даниил Кожубергенов, Григорий Шемякин, Илларион Васильев, Дмитрий Тимофеев, Иван Шадрин и Иван Добробабин – оказались тогда сильнее смерти, «воскреснув» один за другим «из мертвых». Какое-то время оставался в живых и смертельно раненный в живот рядовой Иван Натаров. Очнувшись после боя в окопе, он ползком «добрался в ту ночь до

леса, бродил, изнемогая от потери крови, несколько дней, пока не наткнулся на группу наших разведчиков» и был доставлен в госпиталь. Здесь его разыскал военный корреспондент «Красной звезды» Александр Кривицкий. Натаров успел рассказать ему обо всех основных перипетиях неравного и жестокого сражения. Именно на основании всего услышанного от умирающего бойца, «лежавшего, по словам журналиста, уже на смертном одре», Кривицкий написал свою знаменитую статью «О двадцати восьми павших героях», опубликованную в газете «Красная звезда» 22 января 1942 г. и в сборнике статей «Советские гвардейцы» (М., 1942). Как и И.М. Натаров, тяжело раненные и контуженные Г.М. Шемякин и И.Р. Васильев были обнаружены на поле боя теми же разведчиками, долго лечились в госпиталях, потом снова находились в действующей армии. И.Д. Шадрин и Д.Ф. Тимофеева, когда они лежали в окопе без сознания, взяла в плен немецкая тыловая команда. В лагере военнопленных оба принимали активное участие в подпольной борьбе, пока не пришло, наконец, освобождение. Шемякину, Васильеву и Шадрину были вручены Золотые Звезды Героев Советского Союза. Вызванный в Москву для этой же цели Тимофеев получить награду не смог по состоянию здоровья. Сказались перенесенные ранения и тяготы плена. Он умер в 1947 г.

Еще во время войны и в первые послевоенные десятилетия некоторые публицисты пытались поставить под сомнение подвиг 28-ми героев. Уж слишком необычным, поистине легендарным и почти сказочным было то, что они совершили и тем самым, можно быть уверенным, внесли весомую лепту в спасение Москвы. В качестве основных источников идеи о неправдивости подвига публицисты использовали стенограммы следственных допросов оставшихся в живых панфиловцев и особенно дело № 4041, которое хранится в спецфонде № 8131сс Государственного архива Российской Федерации (ГАРФ).

Весной 1948 г. главный военный прокурор, генерал-лейтенант юстиции Н.П. Афанасьев вдруг узнал, что шестеро из двадцати восьми воинов-панфиловцев остались после боя в живых, а четверо из них в разное время даже побывали во вражеском плену. Он был вне себя: Как так "побывали в плену"? Кто это мог допустить? Какие это герои? Немедленно разобраться, что это за подвиг. Была срочно создана специальная

комиссия военной прокуратуры, перед которой предстали причастные к пропаганде этого подвига. Среди привлеченных к допросам оказались журналисты В. Чернышев, В. Коротеев, А. Кривицкий, главный редактор «Красной звезды», генерал-майор Д. Ортенберг, поэт Н. Тихонов – автор поэмы «Слово о 28 гвардейцах», а также бывший командир 1075-го стрелкового полка, полковник И.В. Капров и бывший комиссар того же полка, старший политрук А.П. Мухамедьяров и др. На допросе полковник И.В. Капров и политрук А.П. Мухамедьяров дали отрицательные показания в отношении подвига 28-ми. Хотя, в первые послевоенные годы они оказались в числе главных пропагандистов этого события. Но когда внезапно в прославленную дивизию прибыла комиссия от главного военного прокурора Афанасьева с одной целью – перечеркнуть славный подвиг 28 Панфиловцев – весьма встревоженные комполка и военком быстро переменили оценку подвига и стали давать показания, которые устраивали комиссию. После же того, как прокурорская затея Афанасьева провалилась, Капров и Мухамедьяров с новой силой стали опять прославлять 28 воинов полка.

Главным неопровержимым доказательством правдивости подвига является изданное Генеральным штабом Красной Армии в 1943 г. под грифом «Секретно» под редакцией Маршала Советского Союза Б.М. Шапошникова военно-историческое исследование в двух частях «Разгром немецких войск под Москвой (Московская операция Западного фронта (6 ноября 1941 г. – 31 января 1942 г.))». В разделе «Бои 16 и 5-й армий на Волоколамском и Истринском направлениях 16-17 ноября» имеются сообщения о подготовке противника к наступлению и довольно подробное описание сражения у разъезда Дубосеково. Здесь приводятся факты той славной битвы: «Встреченный внезапным, но точным огнем бесстрашных 28 гвардейцев, противник потерял до 70 человек убитыми. Он должен был остановиться... Героев было 28. Двадцать девятый, оказавшийся презренным трусом, был тут же уничтожен самими гвардейцами. Бой с танками длился свыше четырех часов, и танки не смогли прорвать оборону доблестных защитников. 14 танков из 20 неподвижно застыли на поле боя. Из 28 славных воинов 7 уже были убиты и тяжело ранены. Убит был и храбрый сержант

Добробабин. Но ни один из бойцов не дрогнул и не растерялся. В это время в атаку двинулось еще 30 танков. В тяжелом, неравном бою было вновь подбито одиннадцать танков противника».

Небезынтересно отметить, чего смогла добиться от А.Ю. Кривицкого прокурорская комиссия. Александр Юрьевич рассказал, с каким пристрастием и рвением, пустив в ход угрозы, допрашивали его следователи из команды прокуроров. «Мне было прямо сказано, – заявил Александр Юрьевич, – что если я откажусь признать, что описание боя у Дубосеково полностью выдумал я и что ни с кем из тяжелораненых или оставшихся в живых панфиловцев перед публикацией статьи не разговаривал, то в скором времени могу очутиться в районе Печоры или Колымы. И оттуда уже никогда не вернусь. А оказаться там мне как-то не хотелось. Поняв, что дело принимает слишком опасный оборот, я "признал", что многое в моих публикациях о 28 героях представляет "литературный вымысел"». По словам Маршала Советского Союза Г.К. Жукова, ознакомившись с «делом» панфиловцев, представленным ему прокуратурой, секретарь ЦК ВКП(б) А.А. Жданов обнаружил, что все материалы расследования были подготовлены слишком топорно, «сшиты белыми нитками», и что комиссия Главной военной прокуратуры явно переусердствовала, «перегнула палку». Поэтому дальнейшего хода быстро испеченному «делу» не было дано, и оно отправилось в спецхранилище.

Как бы отвечая своим будущим оппонентам на все их кощунственные выпады, А.Ю. Кривицкий в своей книге «Подмосковный караул» (М., 1979) писал: «Подвиг 28 героев прекрасен. История его повергает ниц тех, кто хотел бы видеть на войне только кровь, муки и ошибки – настоящие и мнимые – и не замечать воли, таланта, умения и презрения к смерти во имя Отечества. Мещанин вообще не верит в героизм. В каждом подвиге он ищет возможность принизить его, окоротить, срубить ему голову и тем уравнивать с собой... Мир неделим. Но и еще более не делима правда».